

Фрэнсис Бернет

Маленький лорд Фаунтлерой (История маленького лорда)

1. Неожиданное известие

Седрику было четыре года, когда отец его умер, — он только помнил, что папа был высокий, голубоглазый, с длинными усами и что было здорово взбираться к нему на плечи и так, верхом, кататься по комнате. Когда отец занемог, мальчика увезли из дому, а когда он вернулся, то уже все было кончено. Мама тоже тяжело заболела и только начала вставать с постели. Бледная, исхудалая, она сидела в кресле у окна, ямочки со щек ее исчезли, глаза казались большими и печальными; одета она была в глубокий траур.

— Дорогая, — сказал Седрик (его отец всегда так называл ее, и мальчик ему подражал), — дорогая, папе лучше?

Руки матери, обнимавшие его, задрожали. Седрик заглянул ей в лицо, и ему захотелось плакать.

— Дорогая, он здоров?

Вдруг маленькое любящее сердце подсказало мальчику обвить ручонками шею матери и покрыть лицо ее поцелуями. Она прижала сына к себе и

горько заплакала.

— Да, — ответила она, рыдая, — он теперь здоров, ему хорошо, но мы... мы с тобой одни на свете. Совсем одни!

И как ни был Седрик мал, он смутно понял, что его красивый молодой отец больше никогда не вернется к ним, что он умер. Но он не мог постичь

всего смысла смерти. Мама плакала каждый раз, когда Седрик заговаривал об отце, и мальчик решил, что лучше не поминать о нем так часто и не оставлять мать сидеть подолгу, задумавшись, у огня, а развлекать ее чем-нибудь.

У них было мало знакомых, они жили уединенно, но Седрик не чувствовал этого одиночества, и только когда вырос, то узнал, отчего у них редко бывали гости.

Круглая сирота, его мать была совсем одна на свете, когда его отец женился на ней. Она жила компаньонкой у старой сварливой леди, у которой капитан Эррол бывал. Однажды он увидел, как молодая девушка вся в слезах бежала по лестнице, и его сильно тронуло ее печальное положение. Они познакомились и полюбили друг друга. Капитан Эррол решил жениться на прелестной кроткой девушке. Эта свадьба вызвала негодование его семьи, а в особенности отца — богатого знатного старика с очень крутым характером. Он жил в Англии и ненавидел Америку и американцев. У него было еще два сына, старше капитана Седрика. По закону Англии, старший сын получал титул отца и громадное состояние после его смерти. Если бы он умер бездетным, то наследство перешло бы ко второму сыну, так что капитан Седрик, как младший, имел мало шансов стать богатым.

Но природа одарила младшего сына всеми

качествами, которых не доставало старшим братьям: он был высок, силен, красив, храбр и умен. Его светлая улыбка и доброе сердце располагали к нему всех. Старшие братья, напротив, не были ни красивы, ни добры, ни умны. Когда они учились в Итоне¹ никто из товарищей их не любил; когда поступили в университет, они мало думали об учебе, а только попусту тратили и время и деньги. Старый граф, их отец, был разочарован: наследник не делал чести его имени, и мало было надежды, что из него выйдет порядочный, благородный человек. Горько было старому графу сознавать, что только третий сын обладал и красотой, и душевными качествами, необходимыми для столь высокого положения, и что именно ему-то судьба и назначила самую скромную долю, Порой старик почти ненавидел младшего сына за то, что он, а не наследник с его несметных богатств так щедро одарен природой, но помимо воли в глубине души он любил его, В припадке раздражительности он отправил его путешествовать по Америке, чтобы хоть на время удалить от себя и не видеть его превосходства над братьями, которые именно тогда очень огорчали отца своим диким поведением.

¹ Итон — город в Англии, известный своим первоклассным училищем для мальчиков, готовящихся в университет.

Но через полгода старик вдруг до того соскучился по младшему сыну, что написал ему письмо, в котором приказал немедленно возвратиться в Европу. Не успело оно дойти до Америки, как старый граф получил от капитана Седрика известие, что он намерен жениться на американке. Старик пришел в неопишемую ярость: он так взбесился, прочитав письмо сына, что камердинер боялся, как бы у хозяина не случился апоплексический удар. Граф целый час метался по комнате, как тигр. Потом сел за письменный стол и написал сыну, что он навсегда запрещает ему возвращаться домой и писать к нему или к братьям, что он может делать, что ему угодно, и умереть, где хочет; что для семьи он больше не существует и чтобы он никогда более не ожидал от нее какой бы то ни было помощи.

Грустно было капитану прочесть это письмо. Он любил Англию и был нежно привязан к дому, где родился, любил и старика отца, несмотря на его суровость, жалел его, когда старшие братья огорчали и обманывали надежды отца, но он знал также, что теперь ему уже нечего надеяться на помилование. Сначала он не знал, что предпринять; он был воспитан не для трудовой жизни, но решимости и силы у него было достаточно. Итак,

он продал свое место в армии² нашел себе занятия в Нью-Йорке и женился. Переход его от прежней жизни в Англии к теперешней был резкий, но он был молод, счастлив и надеялся на будущее. Он купил себе скромный домик на тихой улице; там, в простой, но изящной обстановке, родился его мальчик, и он ни минуты не жалел, что женился на хорошенькой компаньонке старой леди; жена его была женщина кроткая, милая, и они всем сердцем любили друг друга.

Несмотря на то что маленький Седрик родился в таком скромном домике, он казался самым счастливым ребенком в мире. Он был всегда здоров и не доставлял никому огорчений, был красив, как картинка: с густыми вьющимися волосами, большими карими глазами и длинными ресницами; девяти месяцев он уж стал ходить сам на своих крепких ножках. Когда его возили в колясочке по улице, прохожие останавливались, чтобы полюбоваться им. Все, кто жил на этой улице, знали его и любили, даже бакалейщик, которого считали самым несносным существом в мире, радовался при его появлении и всегда разговаривал с ним. Когда мальчик смог уже сам

² В Англии офицерский чин покупался, и желающий выйти в отставку мог его продать.

ходить по улице с няней, везя за собой игрушечный фургончик, он был так хорош в своем белом костюмчике и большой белой шляпе на белокурых вьющихся волосах, что привлекал общее внимание. Няня гордилась им и, возвращаясь с прогулки, рассказывала его матери, что богатые дамы выходили из кареты, чтобы поговорить и полюбоваться им, и что они удивлялись его обаянию и непосредственности: он разговаривал с ними так, как будто всю жизнь их знал. Седрик был очень доверчив и имел доброе сердце, которое рано стало понимать чувства других. Может быть, это природный дар, а может, и следствие того, что рядом с ним были любящие родители и он никогда не слышал грубого, сурового слова. Он видел, как отец нежно обращался с женою, и он точно так же вел себя с нею, стараясь во всем подражать отцу.

Когда Седрик понял, что отец не возвратится к ним больше, и видел, как мать его печальна, он старался развлекать ее, как мог; садился к ней на колени, обнимал, клал свою кудрявую головку к ней на плечо или приносил свои игрушки и картинки и тихо играл у ног матери. Ничего другого он не мог придумать, но и это уже было большое утешение для молодой вдовы.

— Мэри, — говорила она своей старой служанке, — знаю, что он хочет меня утешить: он смотрит на меня таки любящими, удивленными

глазами, как будто ему меня жаль. Он ласкается ко мне, старается занять... Я уверена, что он меня понимает.

Подрастая, Седрик все больше и больше придумывал средств развлекать свою мать, и она в другом обществе не нуждалась! Пяти лет он начал учиться читать, и когда выучился, то по вечерам читал вслух свои детские книги, а иногда даже и газеты, и Мэри из кухни слышала, как миссис Эррол смеялась его замечаниям. Мэри очень любила мальчика и гордилась им; она была единственная прислуга в доме, исполняла должность няни, кухарки, горничной и охотно сидела поздно по вечерам, помогая миссис Эррол шить костюмчики для сына.

— Смотрите, — говорила она своим знакомым, — как он хорош в своем черном бархатном костюме, выкроенном из старого платья матери, точно маленький лорд!

Седрик и не знал, что такое лорд. Его лучшим другом был мистер Гоббс, торговец бакалейными товарами, его лавка была недалеко от дома, где жили миссис Эррол с сыном, на углу улицы. Седрик очень его любил, уважал и считал, что он очень богатый и знаменитый человек — так много у него было всякого добра: апельсинов, чернослива, инжира и всякого печенья, и к тому же у него была своя лошадь и фургон. Седрик любил и молочницу,

и булочника, и старуху, торговавшую яблоками, но предпочитал всем мистера Гоббса. К нему он ходил каждый день и подолгу с ним беседовал.

Удивительно, право, о чем это мистер Гоббс находил говорить с мальчиком! Он ему рассказывал о революции в Америке, о войне за ее независимость, о героях этой войны, о подлости неприятеля и патриотизме американцев. Седрик, слушая, так волновался, что глаза его горели, щеки пылали, в возбуждении он ерошил волосы, так что его красивые кудри становились похожими на копну. От мистера Гоббса впервые Седрик услышал о политике; бакалейщик-читал ему газеты и рассказывал, что происходит в Вашингтоне, исполняет президент свои обязанности или нет. Седрику шел восьмой год, когда мистер Гоббс взял его с собой, чтобы показать факельное шествие по случаю выборов. Позднее многие участники этой процессии вспоминали, что видели толстого мужчину у фонарного столба, а на плечах у него кудрявого мальчика, который приветствовал шествие, махая шляпой.

Вскоре после этих выборов произошла удивительная перемена в жизни Седрика. Странно, что она случилась именно в тот день, когда мистер Гоббс много говорил ему про Англию, про ее правительство и строго осуждал английскую аристократию и особенно резко отзывался о графах

и маркизах. Было очень жаркое утро; Седрик, поиграв в солдатика с товарищами, вошел в лавку отдохнуть, Мистер Гоббс был в большом раздражении, глядя на рисунок в газете, изображавший придворную церемонию в Англии.

— Вот чем они забавляются! — сказал он с досадой. — Но недолго им важничать, американцы когда-нибудь да возьмут верх над всеми этими графами и маркизами!

— А много вы в своей жизни знали маркизов и графов? — спросил Седрик, который вскарабкался, как всегда, на высокий табурет, сдвинул шляпу на затылок и засунул руки в карманы.

— Нет, — отвечал возмущенно мистер Гоббс, — но хотел бы я поймать одного из них! Посмотрел бы я, как он посмеет сесть около моих бочонков с сухарями!

— А может, они отказались бы быть графами, если бы знали что-нибудь получше, — заметил Седрик, чувствуя некоторую жалость к этому несчастному сословию.

— Ну как же!.. — отвечал Гоббс. — Их прямо-таки распирает от гордости за свои титулы! Все они такие!

В разгар этой беседы в лавку вошла Мэри. Седрик думал, что она пришла купить сахару, но нет, она была бледна и взволнованна.

— Пойдемте домой, мой милый, — сказала она, — мама зовет.

Седрик спрыгнул с табурета.

— Она хочет пойти погулять со мной, Мэри? — спросил он. — До свидания, мистер Гоббс, я приду опять.

Он удивился, что Мэри в немом изумлении глядела на него и все качала головой.

— Что такое случилось, Мэри? — спросил он. — Вам очень жарко?

— Нет, но у нас случилась странная вещь...

— Не заболела ли у моей дорогой голова от жары? — спросил Седрик заботливо.

— Нет, не то...

Когда они дошли до дому, у крыльца стояла коляска и кто-то в маленькой гостиной разговаривал с мамой. Мэри увлекла мальчика наверх, чтобы переодеть в лучший костюм, повязала ему широкий красный пояс и расчесала локоны.

— Господи! Вот оказия-то! — бормотала она. — И это все аристократы и лорды! Ох! Тем хуже — проку в них нет!

Все это очень озадачило Седрика, но он был уверен, что мама все ему растолкует, и не стал больше спрашивать Мэри.

Когда он был готов, то сбежал вниз и вошел в гостиную. Высокий худой старик с острым лицом

сидел в кресле. Мать Седрика, бледная, со слезами на глазах, стояла рядом.

— О, Седди! — воскликнула она и побежала навстречу мальчику, обняла его и, взволнованная, испуганная, стала целовать.

Старик встал и поглядел на Седрика своими пронзительными глазами, потер острый подбородок костлявой рукой. Казалось, он остался доволен.

— Так это, — сказал он медленно, — маленький лорд Фаунтлерой?

2. Друзья Седрика

Следующая неделя была полна для мальчика самых неожиданных, странных, удивительных впечатлений. Седрик был поражен всем, что слышал. Мама несколько раз повторяла ему свой рассказ, пока он наконец все понял. Что-то скажет обо всем этом мистер Гоббс? Речь все шла о графах: дедушка Седрика, которого он никогда не видел, был графом; старший дядя мальчика, если бы не убится до смерти, упав с лошади, был бы со временем тоже графом; после его смерти второй дядя сделался бы графом, но он внезапно умер от лихорадки в Риме. После них отец Седрика, если бы был жив, унаследовал бы графский титул, но так как все они умерли и остался один Седрик, то именно он стал наследником всего дедушкиного

состояния и после смерти старика должен будет получить титул графа, — а пока он только лорд Фаунтлерой.

Седрик побледнел, когда впервые узнал об этом.

— О, дорогая! — воскликнул он. — Я не хочу быть графом. Никто из моих товарищей не граф. Не могу ли я отказаться?

Но это оказалось невозможным. Вечером в этот знаменательный день, сидя у окна и глядя на маленькую тесную улицу, они долго разговаривали с матерью. Седрик сидел на скамеечке для ног в своей любимой позе, обхватив руками одно колено, лицо его пылало от напряженной работы мысли. Дедушка прислал за ним, и мама говорила, что он должен ехать в Англию.

— Я знаю, — сказала она, печально глядя в окно, — что твой отец пожелал бы, чтобы ты ехал, Седди. Он очень любил свою родину. Многого ты пока не можешь понять. Я должна тебя отпустить, иначе я поступить не могу. Когда вырастешь, ты это поймешь.

Седрик грустно покачал головой.

— Мне жаль расставаться с мистером Гоббсом, — сказал он. — Боюсь, он будет скучать без меня, а я без него. Мне всех жаль...

Когда мистер Хэвишем, поверенный графа Доринкорта, дедушки Седрика, присланный им за

мальчиком, пришел на другой день, ребенок многое узнал от него. Но мысль о том, что со временем он сделается богатым, будет иметь много замков, парки, обширные земли, шахты и фермы — вовсе его не утешала. Он озабоченно думал о своем друге мистере Гоббсе и сразу после завтрака отправился к нему в лавку. Гоббса он застал за чтением газет и подошел к нему в большом беспокойстве, чувствуя, что все, что с ним случилось, будет тяжелым ударом для его друга; дорогой он обдумал, как объявить об этом.

— А! — воскликнул мистер Гоббс, увидав Седрика. — Доброе утро!

— Здравствуйте, — ответил Седрик и не полез, по обыкновению, на высокий табурет, а сел на ящик с сухарями, обхватив колено, и несколько минут молча глядел на Гоббса, так что тот наконец тревожно посмотрел на него поверх газеты.

Седрик собрался с духом.

— Мистер Гоббс, — начал он. — Помните, про что вы мне вчера утром говорили?

— Кажется, про Англию, — отвечал мистер Гоббс.

— Да, но что именно вы говорили, когда Мэри вошла?

Гоббс почесал в затылке.

— Мы, кажется, говорили о королеве Виктории и об аристократии.

— Да, — нерешительно произнес Седрик, — и про графов, помните?

— Как же, — согласился Гоббс, — мы немного задели их, не так ли?

Седрик сильно покраснел. Никогда в жизни он не был в таком затруднительном положении. К тому же он боялся смутить мистера Гоббса.

— Вы говорили, что ни за что не позволили бы ни одному из аристократов сидеть на вашем бочонке с сухарями.

— Точно! — гордо отвечал Гоббс. — Пусть-ка попробуют — я им!

— Мистер Гоббс, на вашем ящичке сидит лорд...

Гоббс подпрыгнул на стуле.

— Что? — воскликнул он.

— Да, — скромно объяснил Седрик, — я лорд и со временем буду графом, не хочу скрывать это от вас.

Гоббс испугался; он поспешно встал и пошел искать термометр.

— Наверно, вам напекло голову, — сказал он, возвращаясь и пристально глядя на Седрика. — Нынче ужасно жарко. Как вы себя чувствуете? Не болит голова?

Он положил свою большую руку на лоб мальчика.

— Благодарю вас, — ответил Седрик, — я

совершенно здоров. Голова моя в порядке. Мне очень жаль, что все, что я вам сказал, — сушая правда, мистер Гоббс. Вот для чего Мэри пришла за мной. Мистер Хэвишем говорил с мамой — он поверенный дедушки.

Гоббс опустился в кресло и вытер лоб платком.

— Один из нас с ума сошел! — воскликнул он.

— Нет, — возразил Седрик, — нет, нам надо будет с этим смириться — мистер Хэвишем специально приехал из Англии. Дедушка прислал его за мной...

Гоббс смотрел в изумлении на серьезное личико.

— Кто ваш дедушка?

Седрик вынул из кармана бумагу, исписанную неверной рукой.

— Я так не мог запомнить и записал вот здесь. — И прочел громко: — «Джон Артур Молино Эррол граф Доринкорт». Так зовут дедушку. Он живет в замке; у него два или три замка, кажется. Мой папа, который умер, был его младшим сыном. Если бы папа был жив, я бы не был ни лордом, ни графом. И папа не мог бы быть графом, если бы два его старших брата не умерли. Но они оба умерли, и, кроме меня, нет другого мальчика в семье. Вот дедушка за мной и прислал.

Гоббсу становилось все жарче, он стирал пот со лба и тяжело дышал. Он начинал понимать, что случилось что-то необыкновенное, но, видя, что в мальчике нет никакой перемены, что он сидит на ящике с сухарями с тем же невинным взглядом, как и вчера, — все его представления об английской аристократии перепутались в голове. Еще больше

он был смущен тем, что Седрик с невинной простотой рассказывал ему о перемене, происшедшей в его судьбе, не понимая, насколько она важна.

— Как вы сказали? Повторите, как теперь ваше имя? — спросил Гоббс.

— Седрик Эррол, лорд Фаунтлерой. Так назвал меня мистер Хэвишем. Когда я вошел в комнату, он сказал: «Так это маленький лорд Фаунтлерой!»

— Так, — сказал мистер Гоббс. — Черт меня подери!

Он всегда так выражался, когда был ошеломлен или взволнован чем-нибудь. Седрик находил, что это вполне подходящее выражение. Он так уважал мистера Гоббса, что восхищался всем, что он ни говорил. Конечно, свою маму он ставил выше лавочника, но ведь леди должна вести себя иначе, чем мужчина.

Он внимательно посмотрел на Гоббса.

— А далеко отсюда до Англии? — спросил он.

— Надо переплыть Атлантический океан, — отвечал Гоббс.

— Это плохо, — заметил Седрик, — вероятно, я тогда вас долго не увижу, мистер Гоббс. Подумать страшно.

— Лучшие друзья не должны расставаться, —

грустно проговорил Гоббс.

— А мы ведь давно с вами дружим, правда? — сказал Седрик.

— С самого вашего рождения. Вам было недель шесть, когда вас в первый раз вынесли на эту улицу.

— Никогда не думал, — вздохнул Седрик, — что буду когда-нибудь графом!..

— Вы считаете, — спросил Гоббс, — что этого нельзя избежать?

— Боюсь, что нет. Мама говорит, папа желал бы, чтобы я так поступил. Одно я могу сделать: если уж необходимо, чтобы я был графом, постараюсь быть хорошим графом. Я не сделаюсь жестоким, и, если опять затеется война с Америкой, я буду против.

Разговор друзей длился очень долго. После первого потрясения Гоббс, против ожидания, смягчился; он старался примириться с обстоятельствами, и, прежде чем беседа закончилась, он задал Седрику множество вопросов, на которые сам же и отвечал, так как мальчик не сумел этого сделать. Говоря о маркизах и графах и их поместьях, лавочник объяснил маленькому лорду много такого, что удивило бы самого мистера Хэвишема.

Мистеру Хэвишешу пришлось многому удивляться. Он всю жизнь провел в Англии, вовсе

не знал ни Америки, ни американских обычаев. Он сорок лет занимался делами семейства графа Доринкорта, знал их обширные поместья, несметное богатство и все значение их и потому холодно, по-деловому интересовался ребенком, который со временем должен был стать владельцем всех этих богатств и носить титул графа Доринкорта. Ему было известно о горьком разочаровании, испытанном графом со старшими сыновьями, о страшном гневе его из-за женитьбы младшего сына на американке; он знал, что до сих пор старик ненавидит молодую вдову и говорит о ней сурово и жестоко, уверяя, что она только из расчета вышла за капитана Седрика, проведая, что его отец граф. Старый поверенный думал, что это правда, — он знал много алчных, расчетливых людей и не был хорошего мнения об американцах. Когда он проехал по узкой, неприглядной улице и остановился у дверей скромного домика, он был неприятно поражен. Ему казалась ужасной мысль, что наследник трех великолепных замк эдидся и вырос в этом убогом домишке, на мещанской улице, где на углу находилась лавка со съестным товаром.

Какими же окажутся мальчик и его мать, гадал мистер Хэвишем. Он боялся знакомства с ними. Поверенный гордился семейством, делами которого он так долго управлял, и ему больно было

бы, если бы женщина оказалась необразованной, падкой на деньги, без всякого понятия о чести.

Когда Мэри ввела его в маленькую гостиную, он осмотрел ее критическим взглядом; все было просто, но уютно, не было ни дешевых безвкусных украшений, ни дешевых ярких картин на стенах, скромное убранство было изящно.

«Недурно, — подумал мистер Хэвишем, — но, вероятно, все это заведено капитаном».

Но когда миссис Эррол вошла в гостиную, ему стоило усилия, чтобы не выказать своего изумления: в простом черном платье, облегающем стройную фигуру, она больше походила на молоденькую девушку, чем на мать семилетнего мальчика. Она была очень красива, но печаль не покидала ее нежного лица со смерти мужа. Опытный поверенный умел быстро различать и понимать людей, — он тотчас подумал, что напрасно старый граф был такого плохого мнения о своей невестке. Хэвишем не был женат и даже никогда не влюблялся, но тотчас сообразил, что эта молодая женщина с мягким голосом и грустными глазами вышла за капитана только потому, что любила его, и она никогда не думала о выгоде быть в родстве с графом. Он понял, что с ней нетрудно будет договориться, и стал надеяться, что маленький лорд Фаунтлерой авось не осрамит своей благородной семьи.

Он объяснил миссис Эррол цель своего приезда; та внезапно побледнела.

— Неужели его отнимут у меня? — воскликнула она. — Мы так любим друг друга! Он один у меня во всем мире! Я старалась быть хорошей матерью... — Ее голос дрожал, слезы лились из глаз. — Вы не знаете, что он для меня!

Хэвишем откашлялся.

— Я должен предупредить вас, — проговорил он, — что граф Доринкорт не очень... не очень дружелюбно расположен к вам. Он стар и имеет сильные предрассудки: он всегда недолюбливал Америку и американцев и очень гневался на сына за его женитьбу. Мне очень жаль, что приходится сообщать вам неприятную весть, но я обязан объявить его решение — никогда не видеть вас. Он желает воспитать лорда Фаунтлероя под своим собственным наблюдением. Граф очень любит свой замок и большую часть времени живет в нем. Он страдает подагрой и не любит Лондона. Лорду Фаунтлерою придется жить в Доринкorte, а вам граф предлагает поселиться в другом своем имении, Корт-Лоде, в очень красивой местности и недалеко от замка. Он назначает вам приличное содержание. Лорду Фаунтлерою он позволит навещать вас и только требует одного — чтобы вы сами никогда не бывали в Доринкorte, никогда не входили бы даже в парк. Вы видите, что вас не разлучают с сыном, и

я могу вас уверить, что условия графа не так суровы, как могли бы быть. Лорд Фаунтлерой получит блестящее воспитание и будет жить в богатой обстановке.

Хэвишем боялся, что молодая мать начнет плакать и возражать, — он терпеть не мог женских слез. Но она только встала и, подойдя к окну, постояла несколько минут, отвернувшись. Он видел, что она старается превозмочь свое горе.

— Покойный муж мой, — сказала она наконец, — очень любил замок Доринкорт; он любил Англию и все английское. Ему было очень тяжело расстаться с отечеством; он гордился им и своим именем. Я знаю, что он хотел бы, чтобы его сын увидел родные места и был воспитан сообразно своему будущему положению, — Она подошла к мистеру Хэвишему и прибавила: — Мой муж желал бы этого, и я поступлю так, как будет лучше для моего сына, Я знаю, я уверена, что граф не будет жесток и не восстановит сына против меня. Но если бы даже он и поступил так, то мальчик слишком похож на своего отца, чтобы поддаться дурному влиянию. У него горячее, любящее сердце, честная душа; если нас разлучат, он не перестанет меня любить, и, если мне позволят хоть изредка видеть сына, я не сочту себя вполне несчастной...

«О себе она почти не упоминает, — подумал поверенный, — и не ставит мне никаких условий».

— Миссис Эррол, — сказал он, — я уважаю ваше чувство к сыну. Он со временем будет вам благодарен. Уверяю вас, что лорд Фаунтлерой будет прекрасно воспитан и что для его счастья граф сделает все, что можно. Граф Доринкорт хочет сам о нем заботиться...

— Надеюсь, — отвечала молодая мать упавшим голосом, — что дед полюбит Седди: у мальчика прекрасное сердце и его всегда все любили...

Мистер Хэвишем опять прокашлялся: он не мог себе представить, чтобы старый, вспыльчивый подагрик мог кого бы то ни было полюбить, но он знал, что в его же интересах следовало бы быть ласковым со своим наследником. Очень может статься, что если Седди окажется достойным своего рода, то дед, пожалуй, будет даже гордиться им.

— Поверьте, что лорду Фаунтлерою будет очень хорошо. Для его же счастья граф желает, чтобы вы жили поблизости и могли бы иногда видаться с вашим сыном.

Он не решился повторить точных выражений графа — они были далеко не любезны, и Хэвишем изложил их более мягко и учтиво.

Его передернуло, когда миссис Эррол велела Мэри позвать Седрика и Мэри отвечала:

— Его легко найти: он сидит в лавке Гоббса на своем высоком табурете и толкует с ним о

политике среди свечей и мыла.

— Мистер Гоббс знает моего сына с рождения, — сказала миссис Эррол поверенноу, — он очень любит Седди, и они очень дружны...

В душе мистера Хэвишема опять поднялись сомнения. В Англии дети джентльменов не дружат с лавочниками, это показалось ему странным. Досадно будет, если мальчик растет в дурной среде и окажется невоспитанным. Старый граф и без того пережил много горя и унижения от пристрастия старших сыновей к низкому обществу. Неужели мальчик унаследовал наклонности своих дядей и не родился в деда?

Эти мысли сильно тревожили старика поверенного, когда вдруг дверь отворилась и вошел Седрик. Хэвишем не сразу решился взглянуть на мальчика, но, когда он поднял глаза, странный переворот совершился в нем: его сразу очаровал этот прелестный ребенок. Он был строен, ловок, с выразительным лицом; голову держал высоко; волосы у него были золотистого цвета, как у отца, глаза карие, как у матери, но только не грустные, а живые, смелые глаза, которые никого и ничего не боялись.

«Я никогда не видел такого красавца и с такой благородной наружностью», — подумал мистер Хэвишем, а вслух сказал:

— Так это маленький лорд Фаунтлерой!

И чем больше он всматривался в маленького лорда, тем больше удивлялся. Он много видел детей красивых, краснощеких, хорошо воспитанных, но все они были или очень застенчивы, или слишком шумливы. Заинтересованный судьбой Седрика, старик особенно внимательно следил за ним.

Седрик, не замечая ничего, вел себя, как всегда. Он подошел к мистеру Хэвишему, подал ему руку и с готовностью отвечал на все его вопросы. Когда Хэвишем говорил с его матерью, он скромно молчал и со вниманием следил, точно взрослый, за разговором.

— Кажется, он у вас очень рассудительный мальчик, — заметил мистер Хэвишем.

— Да, по временам, — отвечала та с улыбкой. — Он хорошо учится, да притом он много бывает со взрослыми. Но у него есть забавная привычка часто употреблять длинные слова и выражения, которые он вычитал в книгах или услышал от старших. Впрочем, Седди очень любит играть и со сверстниками. Думаю, что он умен, но вместе с тем — совершенный ребенок.

Когда мистер Хэвишем увидел Седрика на другой день, то понял, что мать была права. Как только карета его завернула за угол, он увидел ватагу оживленно играющих мальчишек. Двое должны были бежать наперегонки: один из них был маленький лорд, который кричал ж шумел не

меньше других.

— Раз! Два! Три! — крикнул он, приготовившись.

Мистер Хэвишем велел кучеру ехать тише и смотрел в окно с большим любопытством. Он видел, как при последнем слове «Три!» оба мальчика пустились бежать. Ноги Седрика в красных чулках так и замелькали: кулачки его были сжаты, волосы развевались.

— Ура! Сед Эррол! — кричали мальчишки, приплясывая и визжа от возбуждения. — Ура! Билли Вильямс! Ура!

«Наверно, он выиграет, — подумал мистер Хэвишем, глядя, как ножки в красных чулках быстро бежали вперед и с каким усилием Билли Вильямс старался догнать их, — Я, право, хочу, чтобы он выиграл!»

Громкие, неистовые ребячьи возгласы возвестили, что будущий граф последним сильным рывком достиг фонарного столба и тронул его двумя секундами раньше Билли Вильямса, который добежал до цели, сильно запыхавшись.

— Да здравствует Седди Эррол! — кричали дети. — Ура! Седди!

Мистер Хэвишем не вытерпел, высунулся из кареты и крикнул:

— Браво, лорд Фаунтлерой!

Когда карета остановилась у крыльца

скромного домика, победитель, побежденный и остальные мальчишки гурьбой подходили к ней. Седрик шел рядом с Билли Вильямсом и говорил ему в утешение:

— Я выиграл потому, что у меня ноги длиннее, только поэтому. И к тому же я тремя днями старше тебя, это много значит.

В это утро у Седрика был продолжительный разговор с мистером Хэвишем, который, слушая его, часто улыбался, потирая подбородок костлявой рукой.

Миссис Эррол вышла зачем-то из комнаты и оставила поверенного и мальчика вдвоем. Сначала поверенный не знал, что сказать. Он полагал, что следует подготовить Седрика к свиданию с дедом и объяснить ему большую перемену в его судьбе. Очевидно, что ребенок не имел ни малейшего понятия о том, что его ожидает в Англии, он даже не знал, что мать не будет с ним жить — ему ничего еще об этом не говорили.

Мистер Хэвишем сидел в покойном кресле по одну сторону открытого окна, Седрик по другую в таком же большом кресле, и глядели друг на друга, Седрик прислонился к мягкой спинке, скрестил ноги, руки заложил в карманы — совершенно так, как это делал мистер Гоббс, Мальчик молча внимательно смотрел на Хэвишема, а тот все думал, что бы ему такое сказать; но Седрик скоро вывел

его из затруднения и заговорил первый:

— Знаете, — сказал он, — я вовсе не понимаю, что это такое за слово — граф?

— Неужели? — сказал мистер Хэвишем.

— Да, и я думаю, что так как я буду графом, то мне следовало бы знать, по крайней мере, что это такое...

— Конечно!

— Не будете ли вы так добры объяснить мне это слово? — почтительно попросил Седрик. — Кто назначает графов?

— Король или королева, — ответил мистер Хэвишем. — Обыкновенно этот титул дается человеку за какую-нибудь великую заслугу.

— О! — воскликнул Седрик, — это как у нас выбор президента.

— На самом деле? — спросил мистер Хэвишем. — Разве за заслуги выбирают президента в Америке?

— Как же, — живо ответил Седрик, — когда человек очень добр и очень учен, его выбирают в президенты. Устраивают факельное шествие, говорят речи. Я считал, что могу когда-нибудь стать президентом, но никогда не думал, что буду графом. Я ничего про это не знал, а то, может быть, я и захотел бы быть графом, — прибавил он, желая чем-нибудь угодить мистеру Хэвишему.

— Граф и президент совершенно разные

вещи, — заметил поверенный.

— Какая же разница? Разве для графов не устраивают факельные шествия?

Мистер Хэвишем скрестил ноги, соединил кончики пальцев на руках. Он решил, что пора бы объяснить мальчику его настоящее положение.

— Граф — очень важное лицо, — начал он.

— И президент тоже, — вставил Седди, — процессия с факелами тянется миль на пять, музыка играет, пускают ракеты. Мистер Гоббс водил меня посмотреть.

— Граф, — снова неуверенно начал Хэвишем, — должен быть потомком древнего рода.

— Это что такое? — спросил Седрик.

— Древний род значит — старинная фамилия, очень старинная.

— А-а! Вероятно, как та торговка, что продает яблоки в парке. Я думаю, она очень древнего рода. Она такая старая, что удивляешься, как она на ногах держится. Ей лет сто, все-таки она всегда в парке, даже когда дождик идет. Мне ее очень жаль; мальчики тоже ее жалеют. Однажды у Билл! Вильямса был доллар, и я уговорил его всякий день покупать яблоки у старухи, но ему это скоро надоело. К счастью, один джентльмен дал мне пятьдесят центов, и я на них купил у нее яблок. Так жаль бедную старушку, такую бедную и такого древнего рода!

Мистер Хэвишем положительно растерялся, глядя на серьезное личико мальчика.

— Вы меня не совсем верно поняли, — сказал он. — Когда я сказал «древний род», я не имел в виду глубокую старость. Древний род означает семейство, давно известное, возможно даже, несколько сот лет известное в истории всей страны.

— Как Джордж Вашингтон³, например, — заметил Седрик, — Я про него слышал с тех пор, как родился, и раньше его уже знали. Мистер Гоббс говорит, что его никогда не забудут, Это, знаете, из-за Декларации независимости Америки и Четвертого июля⁴. Видите, какой он был храбрый человек!

— Первый граф Доринкорт, — произнес торжественно мистер Хэвишем, — получил свой титул четыреста лет тому назад.

— Как давно! — воскликнул Седди. — Вы

³ Джордж Вашингтон (1732–1799) — первый президент США. Во время войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. был главнокомандующим американской армией.

⁴ Четвертое июля — национальный праздник Соединенных Штатов Америки. В этот день была принята Декларация независимости США.

сказали об этом моей дорогой? Это ее очень заинтересует, она любит рассказы о необычных вещах. Что же еще скажете вы о графах?

— Многие из них помогали королям править Англией, некоторые были очень храбрыми воинами и участвовали в сражениях в былые дни.

— Я бы тоже хотел быть военным, — сказал Седрик. — Мой папа был военным, он был очень храбрый, как Джордж Вашингтон. Наверное, потому, что он стал бы графом, если б не умер? Я рад, что графы храбрые люди — большое преимущество быть храбрым. Я прежде очень боялся темной комнаты, но когда думал о храбрости солдат во время революции за независимость Америки и Джордже Вашингтоне, то совсем вылечивался от трусости.

— Графы имеют другое преимущество, — тихо сказал мистер Хэвишем и пристально посмотрел на мальчика, — некоторые из них очень богаты.

Поверенный хотел знать, имеет ли его юный друг понятие о силе денег.

— Приятно иметь много денег, — наивно сказал Седрик, — я хотел бы быть богатым.

— Неужели? Но для чего?

— Да для того, что с деньгами можно сделать много добра. Во-первых, возьмем хоть старую торговку: если б я был богат, я бы купил ей

палатку, чтобы ставить туда лоток с яблоками, маленькую печку и давал бы ей по доллару каждое утро, когда идет дождь, чтобы она могла остаться дома. Я бы купил еще большой теплый платок, чтобы согреть ее старые кости! Ее кости не такие, как у нас, они болят при каждом движении, и это очень неприятно, Если бы я мог все это купить, я уверен, что кости у нее перестали бы болеть.

— Хм! — промычал мистер Хэвишем. — А что еще сделали бы вы, если б были богаты?

— О, много чего! Конечно, я купил бы для моей дорогой много отличных вещей: рабочий ящик, веер, золотой наперсток, кольца, энциклопедию и карету, чтобы она не ждала на улице омнибуса. Если бы она любила розовый цвет, я бы купил ей розовое шелковое платье, но она любит только черное. Я бы ее повел в большие магазины и дал выбрать все, что бы она там захотела. А потом Дик...

— Кто такой Дик?

— Дик чистит сапоги на улице, — отвечал маленький лорд, с волнением рассказывая: о своих планах. — Он лучше всех умеет чистить сапоги. Он стоит на углу улицы, там, внизу. Я его давным-давно знаю. Раз мама купила мне огромный мячик, я его подбросил, и он упал посреди улицы между каретами: я был в отчаянии, начал плакать — я тогда был еще очень маленький, А Дик чистил

чьи-то сапоги, как крикнет: «Эй!» — и бросился: под ноги лошадям, достал мой мячик, вытер его своим фартуком и принес мне. Дорогая была очень довольна, и я тоже. С тех пор, когда мы ходим гулять в ту сторону, мы всегда подходим к Дику, разговариваем с ним, и он рассказывает про свое ремесло: дела плохо идут с некоторых пор.

— Что же вы хотели бы для него сделать? — спросил поверенный, улыбаясь.

— Что? — отвечал лорд Фаунтлерой, принимая озабоченный вид, — Я бы выкупил его долю у Джека.

— А кто такой Джек?

— Его компаньон. Он очень плохой. Дик говорит, что хуже не может быть: он обманывает и приводит Дика в отчаяние. И вы пришли бы в отчаяние, если бы вы честно чистили сапоги, а ваш компаньон был бы обманщик. Все любят Дика, а Джека терпеть не могут. Если бы я был богатый, я бы дал Дику денег, чтобы он мог откупиться от Джека, достал бы ему свидетельство — он говорит, что это хорошая вещь, — и купил бы ему новую одежду и новые щетки, и устроил бы его хорошенько. Он сказал, что все, что он хочет, — это открыть свое собственное дело.

С трогательным простодушием рассказывал маленький лорд про своего приятеля Дика, не сомневаясь, что старый поверенный искренне занят

его рассказами. И точно, мистер Хэвишем начинал сильно интересоваться, только не старой торговкой и не Диком, а кудрявым мальчиком, который забывал о себе и был занят только своими друзьями.

— Чего бы вы, — спросил поверенный, — желали для себя?

— Очень много! — живо отвечал Седрик. — Во-первых, я дал бы денег Мэри для ее сестры Бриджит, у которой двенадцать человек детей и безработный муж. Она приходит к нам и плачет, дорогая дает ей каждый раз корзинку с провизией, и она опять плачет и говорит: «Да благословит вас Бог, красавица вы моя!» Я думаю, что мистер Гоббс был бы рад получить золотые часы с цепочкой и пенковую трубку на память от меня. И наконец, мне хотелось бы устроить собрание.

— Какое собрание?

— Это вроде республиканского митинга, — объяснил Седрик, возбуждаясь. — С факелами и мундирами для всех мальчиков и для меня. Мы маршировали и кричали бы — вот чего я для себя хотел бы!

Дверь отворилась, вошла миссис Эррол.

— Извините, — сказала она поверенному, — что я оставила вас, но ко мне пришла одна бедная женщина, она в большом горе.

— Пока вас не было, — отвечал мистер

Хэвишем, — этот юный джентльмен рассказывал мне про своих друзей и про то, что он сделал бы для них, если бы был богат.

— Бриджит тоже в числе его друзей, — заметила миссис Эррол, — и я только что с нею говорила в кухне. Она в горе — ее муж лежит больной.

Седрик соскользнул со стула.

— Я сбегая к ней и спрошу, как он себя чувствует. Это такой отличный человек! И я очень обязан ему: он раз сделал мне деревянную саблю!

Седрик выбежал из комнаты, и Хэвишем встал. Ему хотелось что-то сказать, но он, по-видимому, не решался.

— Перед отъездом из замка Доринкорт, — заговорил он наконец, — я имел свидание с графом, и он дал мне следующие приказания: граф желает, чтобы его внук с радостью думал о предстоящей ему жизни в Англии и о знакомстве с ним. Поэтому он велел мне сказать его светлости, что перемена в его судьбе принесет ему много денег. Мне поручено исполнить все желания ребенка и сказать ему, что это подарок от деда. Не думаю, что граф имел в виду что-нибудь подобное, но, если лорду Фаунтлерою доставит это удовольствие, пусть он поможет бедной женщине. Граф был бы недоволен, если бы я не исполнил первой просьбы его внука.

Поверенный снова по-своему передал слова

графа. Вот что тот в действительности говорил Хэвишему: «Объясните мальчугану, что я могу дать ему все, что он ни захочет. Растолкуйте ему, что значит быть внуком графа Доринкорта. Купите все, что он ни попросит, наполните золотом его карманы и скажите, что это подарок от деда».

Намерения графа были далеко не хорошие, и, если бы не благородное сердце маленького лорда, гордый дед своим неумеренным баловством сделал бы ему много вреда. Но мать Седрика иначе смотрела на вещи. Она вообразила, что несчастный одинокий старик хочет доставить удовольствие внуку и завоевать его любовь и доверие. Она была очень рада, что Седрик получит возможность помочь бедной Бриджит и что судьба дала ее сыну шанс делать добро тем, кто в нем нуждается. Она покраснела от радости и воскликнула:

— О, как добр граф Доринкорт! Седрик будет счастлив! Он всегда любил Бриджит и ее мужа, и они стоят его привязанности. Майкл добросовестный работник, когда здоров, но он долго болел, лекарства стоят дорого, теплое платье и хорошая пища тоже. Я очень жалела, что не могу им помочь, и то, что они теперь получают, конечно не потратят попусту...

Мистер Хэвишем достал из кармана толстый бумажник. Его лицо имело странное выражение: он думал о том, что скажет тщеславный

бессердечный граф Доринкорт, когда узнает о первом желании своего внука.

— Вам, может быть, неизвестно, — сказал он, — до какой степени граф Доринкорт богат. Он может удовлетворить каждую свою прихоть. Ему, очевидно, будет приятно, если я исполню все желания лорда Фаунтлероя. Если вы позволите, я дам ему пять фунтов для этих людей.

— Это же двадцать пять долларов! — воскликнула миссис Эррол. — Неужели это возможно!.. Да это целое состояния для таких бедных людей!

— Да, — отвечал, сухо улыбаясь, поверенный, — большая перемена произошла в судьбе вашего сына, большая сила будет в его руках.

— Ах! — воскликнула молодая мать. — А он еще такой маленький! Как я его научу владеть этой силой? Мне страшно за моего Седди!

Поверенный откашлялся. Его старое черствое сердце дрогнуло от взгляда этих нежных, застенчивых глаз.

— Судя по моему разговору с лордом Фаунтлероем, я уверен, что будущий граф Доринкорт сумеет вести себя достойно и не забудет других. Он еще дитя, но на него можно уже надеяться.